

ДВЕНАДЦАТЬ ВОПРОСОВ ПРОФЕССОРУ ГУРЕВИЧУ

Перепечатка со страниц журнала "Электротехнический рынок"

В течение всего 2009 года «Электротехнический рынок» публиковал статьи кандидата (что соответствует на Западе статусу доктора) технических наук В. И. Гуревича. Не стал исключением и этот номер, в котором опубликована третья часть его объемной работы «Микропроцессорные реле. Как они устроены?». Но прежде чем перейти к их описанию, редакция «ЭР» решила побеседовать с автором, тем самым, подытожив наше годовое сотрудничество. Учитывая приближающийся 2010-й год, мы задали Владимиру Игоревичу самое, что ни на есть новогоднее число вопросов - двенадцать.

— Владимир Игоревич, хотелось бы начать с вопроса чисто автобиографического: откуда Вы родом, кто родители, что определило выбор профессии?

— Родился я в большом промышленном городе Харькове через 10 лет после окончания Великой Отечественной войны, в бедной семье (а тогда почти все жили очень бедно) бухгалтера (мать) и заводского электрика (отец). В маленькой комнате без туалета и кухни, разделенной перегородками, вместе с нами жили еще моя престарелая бабушка и сводный брат, который был старше меня на 10 лет. Из этой квартиры я пошел в школу, в которой проучился до 4 класса. Помню, дорога туда вела мимо старого дома, на котором большими печатными буквами черной краской было написано: «Проверено. Мин нет. Майор А. Иванов». Это были первые слова, которые я самостоятельно прочитал.

Мой отец рано остался без матери и в 14 лет пошел работать и учиться в ФЗУ (фабрично-заводское училище) при заводе им. Малышева (крупнейшее промышленное предприятие города, на котором родился и выпускался знаменитый танк Т-34).

Вся его дальнейшая жизнь до самой пенсии была связана с этим предприятием. Несмотря на довольно тяжелую жизнь того времени, он всегда находил возможность для занятия техническим творчеством не только на заводе, где был активным рационализатором, но и дома. Вот лишь несколько примеров из прошлой жизни:

туалет, который он вырубил в толстой стене дореволюционного кирпичного дома, и сделал более-менее сносной жизнь в крохотной квартире;

специальный бак для запаса воды с поплавком и сигнальным звонком о заполнении водой ночью, поскольку днем воды в квартире не было;

диван-кровать на обрешеченных ко-

лесах с подшипниками, чтобы после ночи её убирать к стене под ковер, освобождая пространство в малюсенькой комнате;

специальный переключатель, с помощью которого можно было включать по одной лампочке в люстре;

радиола из знаменитого телевизора КВН-49 и старенького довоенного проигрывателя пластинок.

И еще очень много интересных и полезных вещей. Они создавались у меня на глазах и при моем активном участии (я любил смотреть и подавать нужные инструменты). Вот в такой обстановке прошло детство. Когда я немного повзрослел, отец начал покупать массу научно-популярных книг, которые я прочитывал взахлёб и по нескольку раз. Он не жалел денег и на наборы деталей для меня, которые назывались «конструкторами», сопровождая все это увлекательными рассказами об электричестве и радиотехнике.

— Одним из счастливейших моментов в жизни (об этом в газетных публикациях, размещенных на сайте В. Гуревича - прим. «ЭР») Вы назвали получение Диплома и звание Лауреата республиканского конкурса лучших студенческих работ в 1977 г. На суд жюри был представлен пускорегулирующий аппарат для люминесцентных ламп. Это был Ваш первый подобный успех?

— Да. Это было первым признанием и первой оценкой моего творчества. Первые впечатления всегда самые сильные. На этот пускорегулирующий аппарат я получил первое в своей жизни авторское свидетельство на изобретение, будучи студентом. Он был первый случай за всю историю университета. Началось все с некоей идеи об усовершенствовании схемы включения люминесцентных ламп, которые быстро выходили из строя. Мой научный руководитель, Петр Ильич Савченко, идею одобрил, подкорректировал и послал в патентный фонд для патентного поиска. Вот тогда-то для меня открылся целый мир. Помню, я много часов проводил, изучая уже имеющиеся патентные описания и, раз за разом, открывал для себя все новые и новые стороны проблемы, о существовании которых я даже не подозревал. В результате получилось так, что придя в библиотеку с одной идеей, я вышел с несколькими новыми. Знакомство с тысячами чужих идей оказалось делом таким увлекательным, что я начал приходить в патентную библиотеку снова и снова, и после занятий в университете, и в выходные дни. В последствие, работа с патентными описаниями стала обыденным делом, которое не только помогло мне сформулировать и подать свыше 200 заявок на изобретения, больше половины ко-

торых были признаны изобретениями (а это очень высокий процент!), но понять и оценить сущность и значимость изобретений. Раньше, как и все обыватели, я считал, что если техническое решение признано изобретением, то кто-то обязан его внедрить (обратите внимание на слово «внедрить», само по себе предполагающее силовое воздействие - прим. Гуревич). Как и все праведные граждане, я в молодости боролся за внедрение своих изобретений. Пока не понял: количество зарегистрированных изобретений в тысячи раз превышает количество появляющихся в повседневной жизни новинок вовсе не потому, что какие-то плохие дяди не хотят их внедрять, а потому, что скорость, с которой они появляются, многократно превосходит возможности промышленности и экономики. Если бы промышленность не останавливаясь, все время гналась за новыми идеями, то она просто не успевала бы освоить ни одну из них. Обычно, все революционные достижения в технике и технологиях популяризаторы науки представляют публике как выдающееся изобретение того или иного изобретателя, ученого. И большинство людей даже не догадываются, что эти великие мужи сделали всего лишь небольшое, но важное и, самое главное, заключительный шаг после тысяч других шагов, сделанных их предшественниками. В итоге, история оставляет потомкам только одно имя — последнего изобретателя. Даже Ньютон сказал однажды, что ему посчастливилось сделать великие открытия в физике только потому, что он стоял на плечах гигантов (имелись в виду предшественники Ньютона, заложившие основу для его открытий - прим. Гуревич).

Осознав все это, я понял, что самое главное предназначение изобретения — быть надежной и устойчивой ступенькой в бесконечном процессе усовершенствования мира. И совсем не важно, окажется ли она решающей в деле создания нового продукта, завоевывающего мир, или же будет следующей, опирающейся на предыдущую.

— Многие Ваши публикации выходили в соавторстве с Петром Ильичем Савченко. Какое влияние оказал на Вашу профессиональную деятельность декан электрофака Харьковского национального технического университета сельского хозяйства?

— Петр Ильич Савченко, прежде всего, чрезвычайно честный и порядочный человек, каких, увы, не так уж много в научном мире. От этого человека во многом зависела моя судьба и последующая жизнь. Он сразу же заметил во мне стремление к творчеству и на протяжении всех лет обучения в университете это развивал, направляя и поощряя. Были и другие преподаватели, которые, обнаружив эту же способность к изобретательству,

привлекали меня к совместным работам, но Петр Ильич единственный, кто по-настоящему поддерживал меня, а часто и защищал от необоснованных нападок завистников и недоброжелателей, которые появляются сразу же, как только ты начинаешь выделяться из общей массы. Благодаря ему, после окончания университета я не поехал работать в село, а остался заниматься научной и преподавательской работой на кафедре. Благодаря ему, я поступил в аспирантуру и получил возможность работать над диссертацией.

Благодаря ему, я получил помещение и организовал лабораторию, в которой выполнялись работы по заказам многих оборонных отраслей промышленности (Министерств общего и среднего машиностроения, Минсудпрома, Минрадиопрома, Минпрома средств связи и др.). Именно в этой лаборатории родилось новое направление в электроаппаратостроении, именно в ней были подготовлена основа для трех диссертаций, успешно защищенных в последствии.

Все эти годы, живя и работая в другой стране, я сохранил самые теплые отношения с Петром Ильичем. Более того, мы продолжили и нашу совместную работу. Многие из моих новых идей и разработок легли в основу и были переработаны студентами и аспирантами Петра Ильича, а потом и опубликованы в некоторых наших общих статьях. Несколько лет тому назад, за многолетнее продолжающееся научное сотрудничество с университетом и вклад в научную подготовку студентов и аспирантов, Ученый совет университета присвоил мне звание Почётного профессора. Впервые, после 15 летнего перерыва, я приехал в свой родной город, где встретился с профессорско-преподавательским составом университета, и, конечно же, с Петром Ильичем.

— *В последние годы в Союзе Вы руководили несколькими проектами по разработке новых видов аппаратуры для Минобороны, занимались разработкой устройств автоматики для энергетики. Т.е. карьера развивалась по нарастающей. Тем не менее, в 1994 Вы покидаете СССР. Почему?*

— В 80-90 годы в СССР я действительно принимал участие во многих очень интересных проектах. Например, в разработке сверхмощной спецэнергоустановки для размагничивания корпусов атомных подводных лодок, усовершенствовал систему управления инженерного комплекса термоядерного реактора ТОКАМАК-15, разрабатывал систему защиты от пробоев мощного клистрона авиационной системы дальнего радиолокационного обнаружения и разведки (аналог американского АВАКСа), работал над защитой блоков питания спутников спецсвязи и над повышением живучести системы специальной проводной связи, занимался системой локализации повреждений и быстрого восстановления рабочего режима мощной радиолокационной станции раннего обнаружения ПВО.

В первые годы перестройки, будучи восхищенным и очарованным идеями Горбачева, я сразу же поверил в грядущие перемены, ушел из университета и организовал собственное научно-техническое предприятие, в которое перетянул часть университетских коллег и все свои договоры с оборонкой. Засучил рукава и начал работать с утроенной энергией, приходя на работу в 6 утра, и уходя в 9-10 вечера, работая без передышки в праздники и выходные.

Когда все в оборонке начало рушиться, я не унывал, а просто переориентировал свое предприятие на электроэнергетику. Я лично разработал множество новых устройств автоматики и реле для электроэнергетики, которые были доведены и запущены в производство с помощью моих коллег на нашем предприятии. Мы поставляли свои изделия во многие энергосистемы, на электростанции, на крупные предприятия по всему Советскому Союзу. Работать честно становилось все тяжелее и тяжелее, а с развалом Союза и отделением Украины — и вовсе невозможно. Поголовное и повсеместное взяточничество, поборы чиновников всех уровней, галопирующая инфляция, неплатежи за поставленную продукцию; какие-то непонятные национальные валюты, многокилограммовые пачки украинских купонов и зарплаты в миллион и более, за которые ничего толком и не купишь; полная остановка крупных промышленных предприятий, пустые полки магазинов и многоочередные очереди на улице под снегом за буханкой хлеба, веерные отключения электроэнергии и погруженные в полную темноту города; разгул бандитизма, беспредел на улицах, призывы украинских националистов в прессе и по телевизору: «Украина — для украинцев, долой русских и евреев»: Это та обстановка хаоса и непредсказуемости, в которой росли две мои маленькие дочки. В итоге я принял решение уехать из страны.

— *Вы считаетесь основателем научного направления «Высоковольтные интерфейсы на магнитоуправляемых контактах». Находят ли они сегодня применение?*

— В свое время я передал документацию на различные конструкции этих устройств в головные институты-разработчики, которые потом передавали документацию на свои подшефные заводы уже под своими наименованиями, номерами и шифрами. Как это делается, я видел всего лишь один раз, но их тактику понял. Будучи в командировке на одном из заводов в Горьковской области я обратил внимание на один интересный блок, обозначенный длинным буквенно-цифровым кодом на чертеже изделия. Поинтересовался, что это. Мне объяснили (хотя там стоял гриф «секретно» — прим. Гуревич), что это некое защитное устройство, разработанное головным институтом предприятия, и работающее так-то и так. Когда я сказал местным инженерам, что являюсь разработчиком, они лишь недоверчиво по-

качали головой. И все, разговор закончился. Предполагаю, что эти устройства сегодня успешно применяют все те компании, с кем я сотрудничал и кому передавал в свое время документацию. Среди них и такие известные сегодня предприятия, как концерн ПВО «Алмаз-Антей», разрабатывающий и выпускающий всемирно известные комплексы С-300 и С-400, и многие другие менее известные «фирмы». Сейчас вообще трудно установить, кто использует все это, поскольку в 2003 году в Нью-Йоркском издательстве Marcell Dekker вышла книга «Protection Devices and Systems for High Voltage Applications», в которой я подробно описал свои самые последние подобные разработки.

— *Одна из проблем, присущих науке — отсутствие должного финансирования. В связи с этим, какова дальнейшая судьба Ваших геркотронов (быстродействующие реле с уникальными параметрами изоляции между входной и выходной цепями, до 150 тысяч вольт) и «суперпробника» (уникальный прибор для электрика)?*

— В дополнение к тому, что я уже сказал выше, уже в Израиле я получил грант на доработку этих устройств. За отведенные мне два года было разработано много новых усовершенствованных конструкций, проведено их всестороннее испытание, в том числе и на соответствие военному стандарту — теперь уже американскому, но, деньги быстро кончились и проект закрылся. Именно эти последние разработки и вошли в упомянутую мною выше книгу. Потом меня пригласили работать в государственную Электрическую компанию, в которой я работаю по сей день, и заниматься этим направлением стало некогда.

Что касается пробника, то после разработки и усовершенствования его в Израиле, я начал предлагать его фирмам, занимающимся производством подобных вещей. Можно сказать, «допредлагался» и «дообъяснялся» до того, что одна из американских компаний быстро ухватила основные идеи и самостоятельно разработала такое устройство: через год с начала нашей переписки появилось рекламное объявление этой компании с описанием «моего» пробника. Доказывать что-то в такой ситуации — дело бесполезное, и я махнул на эту затею рукой.

*(Продолжение следует)
С уважением и
наилучшими пожеланиями,
Владимир ГУРЕВИЧ.*